

Генезис рациональности “Homo economicus”

© 2012 А.Н. Сорочайкин

кандидат экономических наук, доктор философских наук

Самарский государственный университет

E-mail: san_27@inbox.ru

Рассмотрены неявные антропологические предпосылки экономических теорий, а также эпистемологические допущения о характере и природе человеческой рациональности, лежащие в их основании. Работа основана на анализе теории М. Вебера.

Ключевые слова: homo economicus, Макс Вебер, экономический человек, дух капитализма, научная теория, капиталистическая экономика, рациональность, экономическая культура, генезис.

Особое место в процессах зарождения и развития индустриального капитализма занимают три его важнейших условия: наука, техника и право. Никакие экономически сдвиги были бы невозможны без той мощнейшей материальной поддержки, которую предоставляет промышленному капитализму развитие техники. Оно же, в свою очередь, предполагает развитие естественных наук с их точными экспериментальными методами и надежным математическим фундаментом. Рационально организованное научное знание, таким образом, выступает здесь последним основанием всего материально-технического и, соответственно, экономического прогресса. Однако само по себе существование фундаментальной науки еще не дает экономического эффекта. Чтобы заработали все посредствующие звенья между объективной научной истиной и конкретными производственными инновациями, необходимо особым образом организованное техническое применение и использование научного знания. Наконец, не менее крепкого основания требуют для себя все усложняющиеся процессы управления производством¹. Таким основанием становится рационально разработанная правовая система. В этой сфере происходит упрощение зачастую перегруженных тавтологиями и самопротиворечивых юридических понятий на основе придания им формы строго расчлененных логических категорий.

Не нужно особой проницательности, чтобы установить, что исходной субстанцией всех этих трех сфер человеческой практики выступает рациональность, с той лишь разницей, что в каждом случае здесь задействованы различные ее аспекты. Так, в научном дискурсе рациональность присутствует как способ организации знания, для технической деятельности она обеспечивает возможность использования знания, и, наконец, институт права предполагает выработку точных и строгих формальных правил на рациональной основе.

Для того чтобы “заработала” экономическая рациональность, необходим радикально иной “строй мышления”, смена привычного (традиционалистского, характерного для домашнего хозяйства) взгляда на экономическую деятельность и даже шире - трансформация самого способа ориентации в мире². Как мы уже видели³, до-капиталистическое восприятие экономической практики предполагало стремление сохранить свой обычный стабильный заработок при возможно большем удобстве и как можно меньшем физическом напряжении.

Теперь же требуется такое мироощущение, в рамках которого труд воспринимается как нечто самоценное. Однако сама по себе экономическая рациональность не в состоянии обеспечить себя этим условием, и именно в этом пункте, как убежден Вебер, обнаруживается ее вторичный и подчиненный характер⁴. Оказывается, что рациональные процедуры принятия экономических решений нуждаются в идейной подпитке религиозного духа, в существовании особой экономической этики. Следовательно, мы можем утверждать, что собственными средствами экономическая рациональность не в состоянии справиться с преодолением традиционалистской ментальной установки, залегающей на более глубоком уровне, - должны были произойти постепенные трансформации внутри самой этой культурной среды, прежде чем рациональные структуры сцепились с необходимой им почвой, на которой и заработали бы в полную силу. Согласно взглядам Вебера, в этом случае едва ли возможно говорить о простом и пассивном “отражении” в идеологической надстройке соответствующих “материальных” условий, ведь именно материальные условия существования традиционного человека сами по себе наименее способствуют зарождению и развитию новой экономической ментальности. Вместо этого нужно исследовать тот круг идей, который способствовал тому, что деятельность, направленная внеш-

не только на получение прибыли, стала подвдаться под категорию “призвание”.

Исходя из изложенного выше, вряд ли будет избыточным утверждение, что капиталистический дух (в его первоначальных формах) является онтологическим условием экономической рациональности⁵. Принцип максимальной полезности мог укорениться в экономической деятельности (как считает Вебер, вопреки человеческой природе⁶) только в форме “призвания”. Другими словами, то, что сегодня мы редуцируем до уровня простой эгоистической расчетливости, изначально было погружено в контекст представлений о долге и призвании. А значит, как следует из веберовской теории, существует генетическая связь принципа рациональной полезности и идеи профессионального долга.

Согласимся с тем, что обобщения подобного рода условны; тем не менее, выскажем предположение, что, унаследовав от своего исторического предшественника тип рациональности, современный Номо есопотісис практически полностью забыл и обесценил своеобразие его “духа”. Можно сказать, что современный Номо есопотісис как определенный психологический тип вернулся к уровню поверхностной интерпретации франклиновской “проповеди”, с которой Вебер начал свое исследование в “Протестантской этике...”⁷. Не секрет и то, что ощущение хорошо “исполненного долга в рамках своего призвания” не является ведущим мотивом деятельности современного среднестатистического предпринимателя. Точнее, произошла подмена содержания этой мотивации при сохранении формальной “вывески”: пожалуй, преданность своему делу (и, возможно, даже служение призванию) не будет полностью чужда слуху современного Номо есопотісис, но он вкладывает в эти слова уже иное содержание. Преданность делу для него – это, в известном смысле, вынужденная мера, железные правила борьбы за экономическое выживание, которые навязывает экономическая система и несоблюдение которых попросту дисквалифицирует индивида как агента рынка. Дело требует всего индивида целиком, и такая установка полностью соответствует сегодня имманентным требованиям экономической структуры с ее принципом максимальной полезности. “Дух” здесь, таким образом, полностью сводим к “рациональности”, тогда как у исторического предшественника нынешнего Номо есопотісис она представляла собой, как мы видели, только следствие более фундаментальных жизненных и этических принципов. В этом смысле немецкий ученый говорит о современном духе капитализма как о результате приспособления.

Что касается рациональности современного Номо есопотісис, обособившейся от своего этического начала, то ей в высшей степени свойственны утилитарные представления о нравственном поведении⁸: оно обладает ценностью в той мере, в какой приносит экономическую выгоду. Честность и умеренность являются добродетелями в том смысле, что выступают гарантиями кредитоспособности и финансовой состоятельности индивида. Несомненно, что такой индивид безразличен к специфически моральной проблематике: “...там, где видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность...”⁹. В этом смысле Номо есопотісис периода постиндустриального капитализма представляет собой этически нейтрального субъекта. У него нет (не должно быть) никаких посторонних, внешних самой экономической деятельности ориентиров. “Очищенная” (абстрактная) модель Номо есопотісис не предполагает наличия у субъектов экономического действия каких-либо ценностно-идейных предпочтений и принципов поведения, выходящих за рамки правил функционирования экономической системы¹⁰. Все эти ценностные презумпции, не вписывающиеся в систему чисто экономических отношений, были бы просто избыточны с точки зрения продуктивности хозяйственной деятельности. Более того: ценностно нагруженные элементы экономического поведения способны приводить к ограничивающим и искажающим эффектам, что в конечном счете неизбежно снижает такие параметры хозяйственной деятельности, как эффективность, полезность и продуктивность.

Совсем другое дело, что такое “чисто экономическое” поведение никогда не реализуется де-факто: в действия любого человека всегда так или иначе инкорпорированы определенные ориентиры и предпочтения¹¹. При этом ценностные, идейные и идеологические предпосылки того или иного человека вовсе не обязательно должны быть артикулированы в явной форме. “Циник”, “аморалист”, “нигилист”, “рациональный эгоист” – все эти психологические типы личности двух последних столетий также не свободны от влияния более первичной до-сознательной селекции и отбора индивидуальных предпочтений. Никто не может отстраниться от собственно “стиля жизни”, а ведь это уже результат формирования вкусов, привычек, продукт воспитания и образования. Иными словами, человеческую индивидуальность следует признать де-факто нередуцируемым феноменом, который, тем не менее, никак не противоречит имманентным требованиям экономической системы, существую-

щим де-юре. Любое грамотное исследование этого деликатного вопроса должно правильно дифференцировать эти два уровня проблематики – “фактический” и “юридический”.

Реалии современной экономической жизни, с нашей точки зрения, постепенно вырабатывают комплекс представлений, которые можно поставить на одну доску с уходящим в прошлое понятием капиталистического “духа”. Речь идет о так называемой экономической культуре. Однако по ряду признаков это более широкое понятие отличается от классического веберовского. Прежде всего, экономическая культура, будучи многослойным “социальным телом” экономического человека, существует вне строго конфессиональных и национальных рамок. В экономической культуре может входить в том числе и религиозный комплекс значений, но только как один из многих других элементов¹².

Не для кого не секрет, что ситуация с чисто религиозной подоплекой деятельности Homo oeconomicus в современном мире вообще изменилась до неузнаваемости – этот аспект “духа” оказался полностью нетранслируемым в человека эпохи постиндустриального капитализма.

В контексте вышеизложенного хотелось бы обратить внимание на еще одну весьма интересную особенность капиталистической экономики, которую вычленяет веберовский анализ¹³. Специфически экономическая рациональность, как структура экономического поведения принципиально нового типа, в действительности выступала мощным средством экспансии и качественного развития капитализма в Европе. Но не она, как подчеркивает Вебер, была подлинной энергетической движущей силой этого процесса. На заре становления капиталистической экономики “позади” нее находился управляющий ею особый “дух”, выросший на религиозных и этических представлениях. В этом пункте веберовских рассуждений мы сталкиваемся с примечательным свойством капитализма – с наличием у него некой внутренней и совершенно над-индивидуальной логики развития.

Безусловно, “дух капитализма” – это еще не сама рыночная система, – он тоже оказался всего лишь одной из оболочек, понадобившейся рынку для своего дальнейшего укоренения и экспансии в Европе. Специфика капиталистического духа заключается в том, что там, где он возникает и оказывает свое воздействие, он добывает необходимые ему денежные ресурсы, но не наоборот. Тему объективного капиталистического отбора подходящих условий и факторов продолжает тема селекции необходимых капитализму агентов. Индивид как агент рыночных отно-

шений также вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения: и крупный промышленник, по большому счету, в этом отношении находится не в более выгодном положении, чем любой из простых рабочих. Стоит ему только поставить свое экономическое поведение вразрез с объективными закономерностями рыночной системы (например, проигнорировать требования рациональной максимизации полезности), как он окажется “вне игры”, на обочине общего экономического процесса.

Иначе говоря, ни материальные условия, ни даже та или иная конкретная культурно-историческая форма не являются достаточными причинами для возникновения этого нового типа отношения к экономической деятельности. Все эти факторы нужно понимать, скорее, как более или менее благоприятствующие условия, из которых капитализм в соответствии имманентными потребностями своего развития выбирает наиболее ему подходящие¹⁴.

В целом же, согласно приведенной выше точке зрения, капитализм последовательно проводит в жизнь своих агентов – рядовых потребителей – все большее насаждение тех материальных и интеллектуальных потребностей, которые все сильнее закрепляют установленные им формы борьбы за существование, последние же способствуют поддержанию собственно капиталистического положения вещей. Наиболее спорным в таком подходе нам представляются его собственно критические положения, в частности, концепция свободы как полной и абсолютной независимости от экономического принципа. На страницах “Одномерного человека”¹⁵ экономическая свобода представлена в весьма радикальном – и потому, как нам кажется, утопичном – виде: как свобода от контроля со стороны экономических сил и отношений, от борьбы за существование и от самой необходимости для человека зарабатывать себе на жизнь. Тот же тезис Маркузе распространяет и на политические и духовные реалии общественной жизни. Тогда политическая свобода предстает как освобождение индивидов от политики, которую они не могут реально контролировать, а интеллектуальная свобода состоит в возрождении индивидуальной мысли, которая в современном мире, согласно автору, поглощена влияниями средств массовой коммуникации, искусственно формирующими и насаждающими “общественное мнение”. При этом сам автор не скрывает, что многие из этих положений выглядят весьма нереалистично и вынуждены по большей части принимать форму чисто негативных тезисов. Собственно же позитивный концептуальный ресурс

данной теории обнаруживает свою недостаточность: новые формы общественной и экономической жизни, которые отстаивает этот представитель критической социальной теории, на наш взгляд, фактически сводятся к отрицанию уже существующих, установившихся форм капиталистической жизни. На этом фоне теория Вебера¹⁶, которая, будучи свободной от пафоса радикальных общественных преобразований, носит принципиально описательный характер, в чисто теоретическом плане представляется наиболее предпочтительной¹⁷.

Принципиально же здесь то, что сами данные взаимосвязи и сплетения социально-экономической системы, из которых эта форма черпает свое первичное содержание и жизнь, не даны ни индивидуальному сознанию, ни коллективному сознанию класса, - в представлениях, которые индивид или класс имеет о самом себе, они прямо не содержатся, будучи либо опущены, либо “зашифрованы”. При этом, “превращенная форма”, будучи представительницей подобных реальных отношений в сознании, замещает их таким образом, что в самом этом процессе выпадения отношений и их замещения индивид своим размышлением не участвует.

¹ Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS: антропологические предпосылки и эпистемологические

допущения экономических теорий: монография. Самара, 2009. С. 217.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М., 1990. С. 61-272.

³ Сорочайкин А.Н. Генезис экономической рациональности в теории М. Вебера // Экон. науки. 2012. □ 9 (94). С. 54-58.

⁴ Вебер. М. Указ. соч.

⁵ Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS... С. 219.

⁶ Вебер. М. Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ См.: Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS...; Его же. Философия экономики: в поисках новых подходов. М., 2005.

⁹ Вебер. М. Указ. соч. С. 74.

¹⁰ Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS... С. 221.

¹¹ Сименкова Т.Г. Место истории в экономической науке и роль истории в экономическом образовании / Вопр. экономики и права. 2012. □ 2 (44). С. 35-38.

¹² Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS... С. 222.

¹³ Вебер. М. Указ. соч.

¹⁴ См.: Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS...; Его же. Философия экономики...; Сименкова Т.Г. Указ. соч.

¹⁵ Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.

¹⁶ Вебер. М. Указ. соч.

¹⁷ См.: Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS...; Его же. Философия экономики...

Поступила в редакцию 02.09.2012 г.